

Ужъ поздно. — На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почиетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой. —
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда-бы путникъ не спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но прѣзрѣлъ удалой женихъ
Обычай пращѣдовъ своихъ, —
Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подѣ ночью тѣмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... выстрѣлъ... Что такое?...
Привставъ на звонкихъ стремяхъ,
Надвинувъ на брови палахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щелкъ, — и какъ орелъ
Онъ кинулся... и выстрѣлъ снова!
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

XII.

Затихло все... Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,